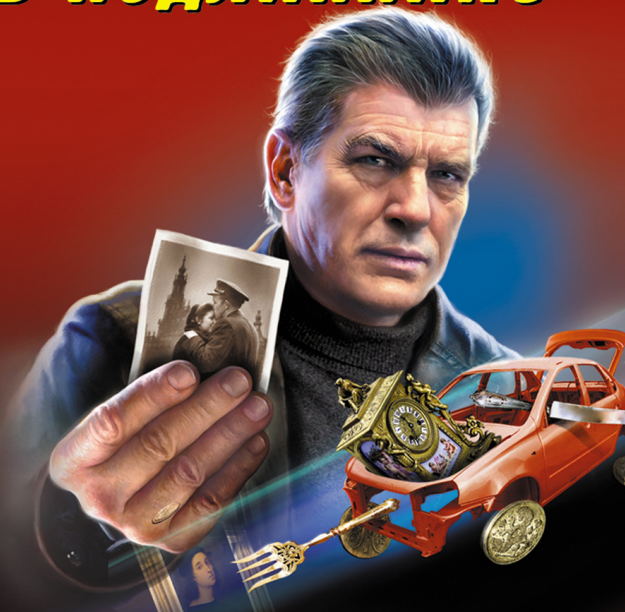

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Смерть
в подлиннике**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев Николай Иванович Леонов Смерть в подлиннике Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70382038

Смерть в подлиннике / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199693-2

Аннотация

Еще одна книга легендарного тандема Леонов – Макеев.

В Подмосковье при странных обстоятельствах пропала пенсионерка Алевтина Голикова, в прошлом переводчица и сотрудник советского посольства в ГДР. Женщина отправилась в столицу на своей машине, а перед этим как бы невзначай обронила постояльцам, что теперь исполнится ее заветная мечта – она сделает хороший ремонт и поедет отдыхать на море. Полковник МВД Гуров предполагает, что Голикова собиралась получить большие деньги от своего бывшего коллеги по посольству. Но за что? Возможно, здесь кроется причина ее гибели. Сыщики отработывают круг общения жертвы и вскоре приходят к сногшибательному выводу. Повод для убийства несчастной старушки дал сам... великий Рафаэль Санти...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Смерть в подлиннике**

Русский бестселлер

© **Макеев А.В., 2023**

© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024**

Глава 1

ГДР. Восточный Берлин.

Апрель 1985 года.

- Открою окно?*
- Открывай.*
- Не замерзнешь?*
- Переживу.*
- Ты бы разделся.*

*Диалог происходил в спальне. Мужчина, сидящий на кровати, держал в руках старую глиняную кружку с отколотым от бортика краем. Он с силой надавил кончиком пальца на место скола, вздрогнул и вопросительно взглянул на женщину, занятую тем, чтобы в помещение как можно скорее попал свежий воздух. Для того чтобы открыть окно, ей требовалось переделать кучу дел. Например, снять с подоконника два цветочных горшка, из которых торчали маленькие смешные кактусы, и переставить их на туалетный столик. Стопка книг также помешала бы проветриванию, поэтому женщина переместила книги на кровать. Сама кровать была разобрана, одеяло в голубом подде-
яльнике смялось вдоль стены, а подушка почему-то оказалась в ногах. Глядя на весь этот бедлам, можно было подумать, что хозяйка только что проснулась и просто не успе-*

ла обратиться.

– Встань, – попросила женщина.

Мужчина подчинился. Он пришел сюда совсем недавно. Его плащ изрядно намок, как и шляпа. На вид ему было около тридцати, и он, считавший ранее, что шляпу носят только солидные и важные люди в возрасте, вдруг открыл для себя всю прелесть этого головного убора. Шляпы он начал носить совсем недавно. Кто-то из знакомых, увидев его в примерочной одного шляпного магазинчика, куда он заскочил шутки ради, сказал, что в шляпе он выглядит отлично, и он увлекся, стал скупать эти шляпы, но в итоге остановился на одной – на той, в которой был и сейчас.

Женщина быстрыми движениями привела кровать в порядок. Набросив на нее покрывало, посмотрела на мужчину:

– Ты бы разделся, что ли.

– Точно. Совсем из головы вылетело.

– Как это может вылететь из головы? – рассмеялась женщина. – Ты же весь мокрый.

– Не такой уж и сильный на улице дождь, – парировал мужчина.

– Не верь тому, что видишь. Пластырь в аптечке, а она в коридоре.

Но прежде чем выйти в коридор, мужчина показал женщине руку:

– Смотри: кровь. Твоя кружка меня укусила.

Она шагнула к нему, всмотрелась в ранку и тут же рав-

нодушино пожала плечами:

– Ерунда.

– Твоя кружка опасна для жизни. В прямом смысле.

– Ей почти триста лет. Она бесценна и не подпускает к себе недостойных.

– Избавься от нее.

– Ты потом мне спасибо скажешь.

Это походило на флирт. Он и она будто бы играли друг с другом, причем имя победителя было известно обоим с самого начала.

Мужчина поставил кружку на край столика. Женщина тут же подвинула ее ближе к центру.

– Где ты ее раздобыла? – донесся его голос из коридора. – Здесь нет пластыря.

– Я ездила в Бернау, – ответила женщина, облакачиваясь о край подоконника. – Сегодня утром.

– Ты так рано проснулась?

– Из-за плохой погоды сегодня там не торговали, – продолжала женщина, – но я на всякий случай решила уточнить у местных. Оказывается, на площади даже в хорошую погоду можно найти далеко не все из того, что обычно раскладывают на прилавках. Очень многое жители хранят дома. Древнюю посуду, например. Или сломанные игрушки, сделанные в начале века. И некоторые этим до сих пор пользуются, представляешь? Но многие жители рады бы избавиться от чего-то, однако им лень торговать. Поэтому все

это добро просто пылится на чердаках. Нужно обходить дома и специально интересоваться этим вопросом. Так я попала к фрау Гёццель, а у нее дома нашлось много интересного. Эта кружка, которую ты держишь в руках, передавалась по наследству из поколения в поколение, но сейчас фрау устала от старого хлама в ее доме. Поэтому она была рада меня видеть. Ты нашел пластырь?

– Нет. – Мужчина появился на пороге и молча уставился на свой палец.

– Господи.

– Поищу еще.

Женщина проводила его взглядом и бережно взяла кружку со стола. Ласково провела по ее шершавому боку пальцем. Прикоснулась к раненому бортику, на который обратила внимание еще в доме фрау Гёццель. Она рассказала, что ему тоже много лет, но кружка «родилась» немного раньше.

Гостью фрау Гёццель встретила приветливо, но в глубине души напряглась. Сегодня было воскресенье, часы недавно пробили восемь утра. Она не привыкла принимать в своем доме русских, а тело ее мужа Бенедикта с простреленной головой так и осталось лежать под Курском. Это случилось давным-давно, летом 1943 года, и с тех пор в дом, в котором они должны были прожить долго и счастливо до самой смерти, не зашел ни один посторонний мужчина.

Время, как выяснилось позже, было ужасным доктором, но оказалось умелым санитаром – оно не умело лечить, но терпеливо перевязывало старые раны, оставшиеся в памяти и на сердце. О муже фрау Гёццель вспоминала все реже и лишь изредка замирала, услышав знакомое имя. Четверо детей давно разъехались по разным уголкам Германии, и фрау Гёццель, устав от безделья и изнурительных работ, неожиданно вспомнила о том, что ведь и она тоже может зарабатывать на продаже старинных вещей, которых у нее скопилось ой как много. Среди них отыскалась та самая старинная кружка, в которую и вцепилась русская женщина.

– Где вы работаете? – спросила фрау Гёццель.

– В посольстве СССР, – тут же ответила гостья и зачем-то добавила: – Я здесь недавно.

– Не очень часто бываю в Берлине, – призналась фрау Гёццель.

– А я очень редко посещаю такие красивые деревни, как ваша, – мягко улыбнулась женщина. – Но все-таки мы встретились. Меня зовут Алевтина.

Фрау Гёццель протянула руку.

– Я Агния, – представилась она и посмотрела в окно, за которым внезапно сильно зашумело. – Дождь стал сильнее, но скоро закончится. Потом снова начнется. И так по кругу, пока не выльется весь.

– Ничего страшного. У меня есть зонт.

Фрау Гёццель покосилась на туфли Алевтины. Потом на

ее сумку, в которой зонт вряд ли уместился бы.

– Оставайтесь, если хотите, – со вздохом произнесла она. – Здесь такие лужи, что даже мы стараемся в такую погоду не выходить на улицу. В прошлый четверг, тоже во время дождя, недалеко отсюда в грязи увязла машина, а вместе с ней и трое здоровенных мужиков, которые старались ее вытащить. Дождь, похоже, надолго. Зачем рисковать?

– А вот возьму и останусь! – тряхнула темными волосами Алевтина и провела рукой над столом, на который хозяйка дома свалила ненужные пепельницы, чашки с отбитыми ручками, пыльные шашки, облезлые деревянные рамки для фотографий и ворох невесомых газовых шарфиков. – С таким богатством не получится быстро распрощаться. Нет, правда! Я еще на родине интересовалась стариной. Все эти дома, в которых живут призраки, мостовые, по которым ночью стелется странный туман...

– Наверное, любите бывать в музеях? – поджала губы фрау Гёццель.

– Не люблю. Время там прячется за стеклом, а в воздухе стоит крепкий запах современных духов. Ужасное сочетание. Кроме того, вход в музей всегда платный, и мне это тоже не нравится.

– Полный бардак, – подвела черту фрау Гёццель. – Вы здесь так рано потому, что хотели попасть на блошинный рынок? Вам бы точно там понравилось. В хорошие дни торговцы плесенью зашибают хорошие деньги. Знакомая разбо-

гатела на кружевах, которые плела ее бабушка еще до...

Они посмотрели друг на друга. Все было понятно без слов. Война закончилась сорок лет назад, но одна из женщин все еще помнила ее, а другая, родившаяся позже, почему-то чувствовала себя виноватой.

– Итак, вы думали, в такой дождь рынок все равно будет работать? – строго спросила фрау Гёццель.

– Надеялась на то, что появится солнце, но поняла, что ошиблась, – с сожалением произнесла Алевтина. – Послушайте, я...

– Вы неплохо говорите по-немецки, – заметила фрау Гёццель.

– Буду рада, если заметите ошибку и поправите меня. – Алевтина умоляюще прижала руку к груди.

– Пока что не было необходимости. Что эж, все, что есть, я принесла. Смотрите.

– Спасибо!

Чуть позже на столе появились маслѐнка, пшеничный хлеб и фарфоровые чашки с золотой птичкой, а их-то фрау Гёццель доставала только в особенных случаях. Алевтина без умолку болтала, восхищалась безделушками, записала рецепт тушеной капусты с яблоками и подробно расспросила о ценах на блошином рынке, который работал в Бернау только по выходным. Спустя час или целую вечность фрау Гёццель уже доставала с полки альбом с семейными фотографиями, и через некоторое время Алевтина с интересом

заметила, что все женщины в семье очень красивы, а практически все мужчины имеют высокий рост и широкие плечи...

Они расстались через пару часов, но не только непрекращающийся дождь был тому причиной. Алевтина вспомнила, что к обеду должна была приехать на работу. Между ними, как оказалось, обнаружилось много общего. Обе обожали черный чай и сушки с маком, не любили весну из-за капризной погоды и не переносили темное пиво. Узнав, что отец Алевтины тоже воевал во время Великой Отечественной войны, фрау Гёццель не вспомнила про мужа, что потом показалось ей очень странным. Но она так сильно прониклась симпатией к этой русской переводчице, которая невесть как оказалась в ее доме, что решила так: не нужно им двоим сейчас никаких разговоров о прошлом. Не просто так они встретились. Да и девчонка эта, похоже, тоже одинока. Ну разве может такая красавица провести выходной одна, если у нее есть мужчина? Наверняка нет. Если бы был, то почему не привела его с собой? Но ведь не привела. И ни слова о нем не сказала.

– Забирайте все, если нравится, – решила фрау Гёццель, равнодушно глядя на разбросанный по столу хлам. – Мне это некуда девать, а вы дома все внимательно рассмотрите.

– Сколько это будет стоить? – растерялась Алевтина и открыла сумочку. – У меня есть немного денег, но хватит

только на такси. Но я могу привезти вам деньги позже.

– Не нужно, – остановила ее фрау Гёццель. – Забирайте просто так, а то выброшу. На площадь это все равно не понесу – я не в том положении, чтобы стоять за прилавком и торговать старьем. Для меня это не имеет никакой ценности.

– А эта кружка? Вам же ее муж подарил?

– Всего лишь кружка. Я о ней и забыла. Сейчас смотреть на нее грустно. Когда меня не станет, она никому не будет нужна. Обручальное кольцо и четверо детей – вот то, что мне по-настоящему дорого. Я дам вам коробку, чтобы вы все сложили. Куда вы собираетесь все это девать?

– Оставлю себе, – ответила Алевтина. – Или подарю что-то из этого другу. Он сильно занят и иногда не может составить мне компанию. Он бы вам понравился.

– Не сомневаюсь.

Такси пришлось ловить на дороге уже за пределами деревни. Сев в машину, Алевтина тяжело вздохнула. Трудным был день. Столько эмоций... Столько сил потрачено на то, чтобы казаться той, которой ее хотели видеть.

– В Берлин? – бросил через плечо немолодой таксист.

– Ну а куда еще? – устало ответила ему Алевтина.

– Мало ли?

– Нет. В Берлин. На Унтер-ден-Линден. А дом я покажу, когда подъедем поближе.

Алевтина специально не стала называть точный адрес,

чтобы избежать лишнего интереса к своей персоне. Она давно отпускала такси за квартал от своего дома.

Машина медленно тронулась с места и поехала очень неспешно, словно пробуя на прочность скользкие ухабы, выгладывавшие из глубоких луж. От крыльца своего дома фрау Гёццель было хорошо видно, как Алевтина, аккуратно обходя лужи, чуть не выронила из рук коробку, но потом без приключений дошла до обочины и вскинула руку. Пристально глядя вслед удаляющемуся такси, эсеница вдруг четко осознала, что определенно встречала Алевтину и раньше, но до этого момента просто ее не узнавала. Но где она могла ее видеть – не в Берлине же, куда фрау Гёццель выбиралась крайне редко? Она была там в последний раз полгода назад. Если бы они встретились, то она бы запомнила. Значит, с огромной долей вероятности они могли столкнуться только здесь, в деревне? Но почему тогда Алевтина не сказала о том, что когда-то была в этих местах?

Окончательно запутавшись, фрау Гёццель шмыгнула носом, обняла себя за плечи и поежилась. Дождь закончился, но небо так и не прояснилось. Поднимаясь по деревянным ступенькам к дому, фрау Гёццель поскользнулась, но успела схватиться за перила.

– Черт побери, – испуганно прошептала она. – Вот так свалюсь в кусты и помру там на радость мухам.

А через полчаса дождь начался снова.

Гуров бросил зубную щетку в стаканчик на полочке, насухо вытер руки, включил фен, висевший тут же, на стене в ванной комнате, и направил струю теплого воздуха на запотевшее зеркало. Отражение проявилось тут же. Взглянув на себя, не до конца проснувшегося, но аккуратно причесанного, Гуров задумчиво провел пальцем по подбородку и твердо решил на сегодня завязать с водными процедурами. Щетина была едва заметна, а идет он не на конкурс красоты, а на работу, где каждый второй, которого он встречал в темных коридорах МУРа, уже давно выглядел как лесоруб с Аляски. Ни в прокуратуре, ни на телевидении его сегодня также не ждали, что лишь укрепило желание Гурова хотя бы на время забыть про бритье. В конце концов, и Маша не раз намекала на то, что хотела бы видеть его с бородой.

– Она будет седой, – сопротивлялся тогда Гуров. – Следователь полковник юстиции Санта-Клаус Лев Иванович.

– Стильно, модно, молодежно, – парировала жена.

– Сомневаюсь, что получится омолодиться.

– Боишься? – подстегнула Маша.

– Боюсь, – не стал скрывать Гуров. – Крячко обязательно ляпнет что-нибудь, а Орлова вообще сердечный приступ хватит. Своих беречь надо.

– А если сказать, что это для маскировки?

– Маш, я бы мог так развлекаться двадцать лет назад, но не сейчас.

Но именно этим поздним сентябрьским утром Гуров

вдруг осознал, что долгие годы его внешность менялась лишь в одну сторону – к закату. Он настолько сильно привык к одному и тому же, что годами не замечал однообразия. А оно присутствовало в его жизни везде: в гастрономических пристрастиях, во внешнем виде и даже там, где, казалось бы, ему-то точно не грозило зарости мхом, – в отношении к своей работе. Все повторялось раз за разом, пока не замыкалось должным образом. То, что должно было играть разными красками, выглядело черно-белым и неизбежно приводило к предсказуемому финалу. Даже в их с Машей маленькой веселой семейке давно не случалось никаких перемен, если не считать покупки нового дивана в гостиную.

Гуров пошел на кухню, загрузил кофемашину и наполнил водой чайник.

На шум вышла Маша. Такая же заспанная, каким был Гуров полчаса назад. Со съездов в Испании она привезла пижаму, сшитую из ткани, на которой по желтому полю бегали маленькие желтые мишки, но промахнулась с размером, больше подходящим Гурову. Щурясь, Маша обошла мужа и завернула в ванную комнату, по пути сонно погрозив ему пальцем: ни слова, я сплю, ты меня не видел.

– Чай или кофе? – спросил Гуров.

Вопрос был риторическим. Каждое утро Маша начинала со стакана воды, а завтракала где-то через час после.

– И тебе доброе утро, – пробормотал Гуров и пошел на кухню.

Звонок в дверь заставил его отложить в сторону наполовину съеденный бутерброд. В коридор вышла и жена, успевшая окончательно проснуться.

– Соседи, что ли? – предположила она.

Гуров посмотрел в глазок и открыл замок. На лестничной площадке стоял его начальник Петр Николаевич Орлов. Вот уж кого Гуров не ожидал увидеть на пороге своей квартиры так внезапно.

– Привет тебе, Лев Иванович, – протянул руку Орлов.

– Через порог не разговаривают. – Гуров отступил в сторону, пропуская в прихожую шефа. – Заходи.

Орлов шагнул вперед и вдруг увидел Машу. Растерялись оба.

– Здравствуйте, – пролепетала Маша. – Ой, я сейчас.

Она мигом исчезла в комнате.

– Напугал я ее, наверное, – предположил Орлов. – Извини, Лев Иванович, если не вовремя.

– Да не напугал, не были мы ничем заняты. Недавно проснулись.

– Поздно легли?

– Встречал ее в Домодедово, рейс задержали на полтора часа из-за погоды. Пока вернулись, пока то да се...

– Понял. Значит, не помешал, – подвел черту Орлов. – Я ненадолго.

В коридоре снова появилась Маша. На этот раз она была не в пижаме, а в джинсах и футболке. И успела собрать воло-

сы в хвост, чтобы перед мужниным начальством выглядеть прилично, а не как эта самая.

– Проходи на кухню, мы там как раз завтракать собирались, – пригласил Гуров. – Не разувайся, Петр Николаевич. Давай, жена, сообрази на троих что-нибудь.

– Не до еды, – отмахнулся Орлов. – Извини, Машенька, что наскоком. Отдашь мужа на пару слов?

– Да идите уже, – разрешила Маша. – А потом все-таки, может, перекусите?

– Уговорили, черти полосатые, – сдался Петр Николаевич. – Но сначала поговорю с твоим мужем. И, Маш, мне сахара две ложки.

– Я помню, – улыбнулась Маша. – И масло на хлеб не мазать, и яичные желтки вам нельзя, а вот омлет из белков можно. Ваш повышенный холестерин, Петр Николаевич, мы тревожить не будем. Всё помню. Идите, я потом позову.

Чтобы не сидеть в духоте, генерал-майор Орлов и Лев Иванович Гуров вышли на балкон.

– Что-то произошло? – спросил Гуров и сунул в рот сигарету.

– Да произошло-то давно, – нехотя ответил Орлов. – Надо будет полежать в больнице. Завтра вот сдаюсь.

– О, – чуть не поперхнулся сигаретным дымом Гуров. – Все так серьезно?

– Врачи говорят, что более чем. Я уж недели две как при-

зрак по ведомственной поликлинике шатаюсь. Меня там уже в лицо узнают. Родным домом стала.

– Какой диагноз, не поделишься?

– Не дождетесь, – отрезал Орлов. – Но тянуть больше нельзя. На самом деле все звучит не так уж и страшно, если не вчитываться в то, что написали в медицинской карте. Но пришлось узнать много интересного о собственном организме. Пока что обследование. Комплексное. А дальше будет видно.

– Гипертония твоя, что ли? – догадался Гуров. – Паршивая штука, я в курсе. Пришлось столкнуться.

– Ну, вот и я сталкивался. Только за последнюю неделю «Скорая» три раза в гостях была. Дважды приезжала одна и та же бригада. Ругались на меня за то, что отказался от госпитализации.

– Все бывает в первый раз.

– Конечно. Но к врачу в итоге пошел. Подумал, что в моем возрасте риск отбросить коньки становится настолько высоким, что лучше заняться собой серьезно. Ничего, ничего... Полежу, отдохну, а потом вернусь и снова буду вам с Крячко нервы мотать.

– Оптимистично, – хмыкнул Гуров. – А кто замом будет?

– Не ты. Пришлют кого-то, я специально узнавал. Если Романенко из прокуратуры, то вам вообще счастье будет.

– Романенко очень даже ничего. Мы с ним поладили, – вспомнил Гуров. – Будем надеяться. Ты поэтому решил меня

лично предупредить?

Орлов облокотился о перила, внимательно посмотрел на сигарету в руке Гурова.

– Есть дело, Лев Иванович, – прищурился он. – Даже не знаю, как сказать. У вас со Стасом сейчас вроде бы дел нет?

– Они всегда есть.

– Текущих-то нет, не заливай. В отпуск пока что не собираетесь. Потому прошу лично от себя помочь одному человеку. Я бы и сам поучаствовал, но, как видишь, не успеваю. Я место в клинике специально ждал.

– Понимаю, – качнул головой Гуров. – Рассказывай.

– Знаешь такой поселок под Москвой – Шаткое?

– Это не на юго-востоке? Тот район, который до сих пор дачами забит, но уже считается Москвой?

– Оно самое и есть. Бывал там? Слышал что-нибудь о нем?

– Не припомню, – признался Гуров. – Только краем уха если.

– Значит, не бывал. Иначе бы на всю жизнь, как говорится... Поселок Шаткое находится в тридцати километрах от Москвы. Такое, знаешь, неприметное место, мимо которого проезжаешь, не замечая его в упор. Там нет секретных объектов или чего-то подобного. Скорее выглядит как научный городок из славного советского прошлого. Самый обыкновенный населенный пункт, который с двухтысячного года приписан к столице, но не имеет никаких перспектив в плане развития хотя бы той же инфраструктуры. Призрачное ме-

сто. Облезлые дома, грязь вместо дорог, алкаши по всем углам и один-единственный участковый на всю округу.

– Значит, скоро будут их сносить, – понял Гуров. – Ну, если там ничего не меняется, то, скорее всего, ничего и не планируется. А потом на этом месте воздвигнут очередной жилой комплекс. Знакомо.

– В любом случае сейчас там идет тихая серая жизнь. Я знаю об этом потому, что начальником местного отдела полиции там служит мой давний приятель. Рукоятников его фамилия. Громких преступлений на территории вот уже лет двадцать не было зафиксировано. За все годы случались только мелкие кражи из авто или хулиганство подъездного масштаба.

– Я так понимаю, что теперь этот срок обнулится?

– Правильно понимаешь. У него там человек пропал. В отдел полиции обратились муж с женой, которые снимали в поселке комнату у местной жительницы. Вроде бы давно жили с ней душа в душу, но вот уехала по делам и не вернулась.

– А сколько ей лет?

– Хорошо за семьдесят. Родных нет.

– Когда она потерялась?

– Третьего сентября. Сегодня седьмое. Квартиранты сообщили о ее пропаже четвертого числа. Слушай, Гуров... Рукоятникову до пенсии остался месяц. Хочет закончить все дела и отчалить на заслуженный отдых со спокойной душой.

– Так и пусть отчаливает. Мы-то чем можем ему по-

мочь? – удивился Гуров. – Пусть поднимает на уши волонтеров, ищет свидетелей, рассылает ориентировки. Схема уже отработанная.

– А нет свидетелей, кроме квартирантов. Никто, кроме них, с пропавшей не общался. Видеть-то ее люди видели, но близко старались не приближаться. Противная бабка была, это даже соседи подтвердили. И машина ее исчезла.

– Она еще и рулила?

– А то! «Лада Калина» – это тебе не какой-нибудь «Мерседес», – усмехнулся Орлов. – Я хочу тебя попросить вот о чем: если вдруг Рукоятников к тебе обратится, ты просто побудь с ним на связи, поищи фамилию этой женщины в архивах. Может, еще где нужно будет посмотреть. Через нас-то дело быстрее пойдет. Я ему оставлю твой номер телефона на всякий случай. Не надо там дневать и ночевать. У нас-то опыт в поиске людей посерьезнее будет. Где мы этих исчезнувших только не находили, помнишь?

– Порой в разобранном виде, – ответил Гуров. – Ноги в Мытищах, а голову на Сретенке.

– Легко было их найти? Вот то-то и оно. У Рукоятникова там сыщики годами баклуши били из-за отсутствия случаев криминала на вверенной ему территории. Он мужик толковый, спуску не даст, но у него, ко всему прочему, еще и со здоровьем проблемы. Так вот, они там пока что пытаются разыскать пропавшую своими силами, но, насколько я понял, история темная. Я немного с Рукоятниковым погово-

рил, и он рассказал, что пропавшая имела богатое прошлое: в восьмидесятых служила переводчицей в посольстве СССР в Германии. После, уже на родине, некоторое время возглавляла бюро переводчиков, но быстро ушла на вольные хлеба. Водила знакомство с кем-то из членов Политбюро и даже сопровождала их в деловых поездках за границей. Уже давно дает частные уроки по немецкому языку. Бывшие ученики отзываются о ней как о преподавателе очень хорошо. Такая вот у нее жизнь. Не простая домохозяйка, как ты понимаешь, а человек со связями.

– Много о ней известно, это хорошо, – заметил Гуров.

– Так она давно там живет. Сама о себе рассказывала людям, пока еще хоть с кем-то у нее были хорошие отношения. И потом, в свое время Рукоятников водил к ней сына на занятия. Само собой, они общались.

– А квартирантов проверили?

– Не спрашивал, но думаю, догадались это сделать в первую очередь. Если бы было что-то не так, я бы знал.

– Ну что ж, – вздохнул Гуров. – Сдается мне, что возбуждения уголовного дела не избежать. Но если все-таки его откроют и направят на Петровку, то с радостью помогу. Ну а если не направят, то пусть твой знакомый сам позвонит. Так и быть, поможем разобраться.

Из кухни послышался Машин голос. Орлов расстроено хлопнул себя по карманам:

– Вот черт, а я с пустыми руками заявился.

– А уйдешь с полной сумкой, – заверил его Гуров. – Машка же из Греции прилетела, понавезла всякого. Оливковое масло, мёд, еще что-то там. Я еле чемодан до машины дотащил. Да расслабься ты, Петр Николаевич! Можно подумать, в первый раз. А Рукоятников пусть обращается, если что. Поможем. Но, знаешь, Петр Николаевич, мне кажется, что наши советы ему совсем не нужны. Все-таки опыт у него есть.

– А что такое опыт, Левушка? – Орлов внимательно всмотрелся в окна дома напротив. – Всего лишь список приобретенных навыков, который постоянно корректируется в течение всей нашей жизни. Тебе ли об этом не знать? Ладно, пойдем. Угоститься завтраком из рук твоей жены для меня самое сейчас лучшее. Нет, ну надо же было так попасть с этим давлением, а?

– Эх, бумажки мои «любимые», – пропел Стас Крячко, раскладывая на своем столе многочисленные папки. – Жаль, не дают нам с тобой стажеров, Лёва, а то бы я их усадил сейчас за эту писанину. Закопались бы по уши. А мы бы в потолок плевали. Ну или в столовую пошли.

– Опасно в потолок-то, – предупредил Гуров. – Ты давай работай. Начальство новое, не знаешь чего ждать.

– Не новое, а временное, – поправил Стас. – Как наш-то там, кстати?

– Мне не звонил. Возможно, Вера в курсе.

– Наверняка.

Орлов был на больничном неделю и возвращаться на работу пока что не собирался. Поначалу обрывал телефоны Гурова и своей секретарши Веры, расспрашивал, даже пытался контролировать, тем самым напоминая о себе, но вот уже четыре дня как от него было ни слуху ни духу. Гуров и думать забыл о его просьбе.

Бумажной работой неожиданно увлеклись оба. Таким увлекательным занятием, как сортировка, ксерокопирование и раскладывание, занимались до вечера и, надо сказать, делали работу на совесть. Проверjali, сверjali, отмечали. К концу дня, правда, вымотались и сдулись. У Гурова затекли все части тела. В голове стоял тихий гул, а перед глазами прыгали темные точки. Забежавшая на огонек секретарь генерал-майора Верочка принесла хорошие новости: из больничной палаты ей только что позвонил Петр Николаевич и попросил передать Гурову и Крячко, что если они что-то навороят, то он придет и всех уволит, потому что они тут веселятся, а ему потом расхлебывать.

– Сама доброта. Скучаю без него, – подытожила Верочка и положила на стол бумажный промасленный пакет. – Прихватила вам тут чебуреки из столовой. Знаю, что до ночи не уйдете. И сводку из дежурной части принесла.

– Спасибо, дорогая, – обрадовался Стас и потянул носом воздух. – А мы как раз сегодня без обеда.

– Как работается с новым шефом? – спросил у Веры Гу-

ров, откладывая сводку происшествий в сторону.

– А он только завтра появится. Меня даже в известность не поставили. Кто, что, когда...

– Бедная Вера, – посочувствовал Крячко. – Снова подстраиваться под новую метлу.

– Еще чего. Я как жена декабриста.

После ее ухода Лев Иванович и Стас быстро разделались с чебуреками, сложили бумаги в сейф и дружно взглянули на часы.

– Вот теперь со спокойной совестью... – начал было Гуров, но запнулся на полуслове. – Слушай, Стас, а тебя Орлов ни о чем не просил?

– В каком смысле?

– Помочь одному человеку.

– Не снизошел. А тебя просил? И кому нужна помощь?

– Да так... ерунда.

Гуров вспомнил о сводке происшествий. Он взял листок в руки, вчитался в мелкий шрифт. Крячко тем временем выключил свой компьютер, смахнул со стола неизвестно откуда взявшиеся крошки и вопросительно взглянул на Гурова.

– Что-то серьезное? – спросил он.

– Да не то чтобы, – ответил Гуров и протянул сводку Стасу. – Ты про поселок Шаткое слышал?

– Бывал там, бывал, – улыбнулся Стас. – Ездили на шашлыки к подруге жены, у нее частный дом в трехстах километрах, а Шаткое как раз проезжали по пути. Думал, таких мест

рядом с Москвой не осталось. На обратном пути у нас колесо пробило, пришлось заглянуть в тамошний автосервис. Цены там ниже, чем в Москве, кстати...

– Ты про что? Каких таких мест не осталось? – не понял Гуров.

– Необработанных, – объяснил Стас. – Ты знаешь, что там раньше был дачный поселок?

– Понятия не имел.

– Ой, да мне целую лекцию по этому поводу прочитали. В семидесятых годах прошлого века правительство выделило работникам внешней торговли землю под дачные участки. Сначала планировалось одарить только их, но подтянулись «соседи» из Министерства иностранных дел и посчитали себя обделенными. В общем, любой, у кого тогда была возможность выезжать за границу, мог обосноваться в Шатком. Дача в получасе езды от центра Москвы, Гуров! Ты только представь! Туда, говорят, даже иностранные дипломаты заглядывали – приценивались, присматривались. Но в итоге идея не прижилась, и проводить отпуска на свежем воздухе никто особенно не захотел. Вероятно, дело было в соседях этих советских богачей – простой и временами пьющий народ-то куда девать? О приватности не было бы и речи. Когда стало понятно, что идея заселить поселок мидовской элитой провалилась, поселок быстренько застроили типовыми блочными домами и раздали через ордера очередникам.

– Это ты откуда узнал?

– Дорожные байки. Автомеханик поделился, пока машину чинил. Кстати, визитку оставил. А почему ты спросил про Шаткое?

Гуров коротко передал Крячко просьбу шефа. Стас отреагировал на услышанное точно так же, как и он:

– Ну и чем мы поможем полиции? Розыск пропавших вообще к нам никаким боком не относится, если только не возникнет такая необходимость в процессе расследования.

– Вот и я так тоже думал. А в сводке труп. И снова в Шатком.

– А чей труп-то? Той самой пропавшей, о которой говорил Орлов?

– Да нет. На этот раз мужчина. Погоди-ка, наберу начальству. Посмотрим, что скажет.

До генерал-майора удалось дозвониться с третьего раза.

– Что со связью? – сразу же предъявил претензии Гуров. – Вот так и ищи тебя, когда нужен.

– И не говори, – раздраженно отозвался Орлов. – Тут все матерятся на этот счет. Что случилось?

Гуров кратко изложил суть дела.

– Выезжайте, – приказал Орлов. – Заму своему сообщу, что делом теперь занимаетесь вы. Я Феде сейчас позвоню, пусть будет в курсе, что мы знакомы.

– Федя – это?..

– Федор Анатольевич Рукоятников.

– Ну, так бы и сказал с самого начала.

Если бы генерал-майор Петр Николаевич Орлов и полковник Федор Анатольевич Рукоятников стояли рядом, то Орлов едва бы доставал макушкой до плеча своего приятеля. Таких исполинов, как начальник ОВД «Шаткое», удавалось встречать не так уж и часто. Он был не только высок – масса тела в его случае также превышала максимально допустимую. С первой минуты Гурову показалось, что Рукоятников и Орлов ровесники, но хватило только одного пристального взгляда на изможденное лицо и внушительный выпирающий живот Федора Анатольевича, чтобы понять, что этот человек нуждается в медицинской помощи, наверное, гораздо больше, чем его знакомый с Петровки.

Дышал Рукоятников тяжело, с громким присвистом, и при такой массе тела передвигался с большим трудом. Ходить ему было нелегко: прежде чем сделать шаг, сначала он обязательно находил опору в виде спинки стула или края стола и только потом, ухватившись за них, ступал вперед. Поздоровавшись с сыщиками, он болезненно улыбнулся и тут же отвернулся так, чтобы не было видно его лица. «Больно ему, что ли? – растерялся Гуров. – Как же можно в таком состоянии вообще ходить на работу? А он ведь еще пытается руководить».

Все трое сели. Рукоятников опустился в свое огромное кресло и, надрывно дыша, протянул Гурову папку.

– Завели уголовное дело, – кашлянув, сообщил он, достав

откуда-то бумажную салфетку, которой принялся суетливо стирать с лица пот. – Думал, что обойдется, что найдем эту женщину, но, как говорится, только бога насмешили.

Гуров открыл папку, бегло прочитал первый документ, после чего передал его Крячко.

– Наверное, когда Петр Николаевич попросил оказать содействие в розыске, вы подумали, что мы тут совсем безрукие, – добродушно пробурчал Рукоятников. – Это не так.

– Упаси боже, – тут же отвлекся от изучения содержимого папки Гуров. – Все мы работаем в одной связке. Попросить совета или помощи у другого – обычное дело.

– Угу, – не поднимая головы, поддакнул Стас. – Руку уже набили. То после кражи у букиниста выдернули из отпуска знакомого искусствоведа, то нашли менеджера по продажам, который раньше баловался всякими интересными программками. Ну, чтобы он нужный сайт хакнул и слил нам одни интересные данные. Так и вышли на банду. Ну а как прикажете поступать? Ждать у моря погоды?

– Не сливай наши методы, дружище, – улыбнулся Гуров.

– А если на кону жизнь человека?

– В спецназе с радостью рассмотрят твои претензии.

Рукоятников с пониманием улыбнулся:

– Еще раз спасибо за то, что откликнулись. – Рукоятников с тоской посмотрел в окно: – Жарко-то как.

– Осень стоит не по сезону теплая, тут вы правы. И ведь это еще даже не бабье лето, – согласился Гуров. – С чего нач-

нем, Федор Анатольевич? Похоже, вы здесь работаете давно, всех знаете. Командуйте. А мы подстроимся.

Рукоятников попытался занять более удобное положение, что удалось ему не с первой попытки. Мельком взглянув на его уже не красное, а багровое лицо, Гуров всерьез встревожился. «Как бы его удар не хватил», – подумал он и тактично отвел взгляд.

Федор Анатольевич наконец «устаканился», найдя надежные точки опоры для своих немаленьких габаритов. Это стоило ему недюжинных усилий и закончилось приступом кашля.

– Сначала пропала Голикова, – отдышавшись, начал говорить Рукоятников. – Из местных аборигенов, долгожительница. Противная была тетка, признаюсь. Но педагог сильный.

– Чем же она вам не понравилась? – улыбнулся Гуров.

– А есть такие, знаете, недовольные жизнью. Не устают возмущаться. Именно они жалуются на соседей, затеявших ремонт, или на смех детей, играющих во дворе. На машины, которые якобы перегораживают дорогу, на высокие цены в магазинах, на погоду. На украдкой курящего во время своего обеденного перерыва продавца, причем бедный парень специально зашел за угол дома, чтобы не дымить на окружающих. Но нет – Голикова заметила, накричала на него и пошла к участковому, чтобы написать жалобу. А он у нас один, между прочим.

– У вас тут всего один продавец? – не расслышал Крячко.

– Участковый, – повторил Рукоятников. – Один на весь поселок. От рассвета до заката на ногах.

– А сколько человек тут проживают сейчас?

– Плюс-минус три тысячи. Но подозреваю, что гораздо больше. Многие же без прописки.

– А почему у вас участковый только один? – удивился Стас. – Как минимум нужно двух на все население.

– Наше руководство прекрасно знает о нехватке кадров, но помочь нам пока не могут. Или не так: могут, но мы сами отказываемся. Объясню. Сейчас решается судьба поселка, – вздохнул Рукоятников. – Скорее всего, тут всё к чертям снесут и застроят коттеджами. Такая информация гуляет уже давно, но все это на уровне слухов. Нет самого главного – определенности. А куда дальнейшая судьба Шаткого неизвестна, то о какой стабильной работе может идти речь? А вдруг снос начнется через полгода, а я нового человека на работу возьму? Поймите, дорогие москвичи, мы хоть и близко к столице, но живем совсем не так, как вы. Половина моих сотрудников проживает либо тут же, в поселке, либо где-то по соседству. Им до работы так удобнее добираться, и я их прекрасно понимаю. Но среди них желающих перейти в участковые нет, они заняты своим делом. Куда перебросят ОВД, если здесь начнется снос зданий и строительный тайфун? Вот и сидим.

– Тот же новый участковый инспектор предпочтет пере-

вестись в другой отдел поближе, чтобы не тратить время на дорогу. Понял. Грустно, – сказал Крячко. – Как-то все сложно у вас.

– Не унываем, – улыбнулся Рукоятников. – Пока что никто не дергает, и на этом спасибо. Участковый со своими обязанностями справляется, а я держу руку на пульсе. Давайте к делу, если вы не против, а то мне через час надо быть на совещании.

– Начнем с пропавшей, – напомнил Гуров.

– Совершенно верно. – Рукоятников сложил ладони вместе и указал ими на стопку бумаг: – Алевтина Михайловна, одна тысяча сорок пятого года рождения. Проживает в поселке на постоянной основе с начала девяностых. Разведена. Владеет «трешкой» с хорошим метражом. Сдает одну комнату семейной паре, которые и забили тревогу, когда она не вернулась домой. В прошлом Алевтина Михайловна была переводчиком и несколько лет провела в Германской Демократической Республике, где работала в советском посольстве. На жизнь зарабатывала частными уроками. Третьего сентября в одиннадцать часов утра вышла из дома, взяла из гаража свою машину и отправилась в Москву вместе со своим квартирантом Семенцовым Георгием Петровичем, одна тысяча шестьдесят первого года рождения. Причем за руль сел Семенцов. В Москве они и распрощались. Вот только он потом вернулся, а она как в воду канула. Четвертого сентября утром в полиции уже лежало заявление о пропаже чело-

века. Поиски начались сразу же.

– А машина?

– «Лада Калина» у нее была. Год выпуска – две тысячи десятый. Цвет «черный металлик». Машина тоже испарилась. На трассе от поселка до Москвы отсутствуют камеры видеонаблюдения, и целиком отследить маршрут, по которому двигалась машина Голиковой, не удалось. Но, со слов квартиранта, они благополучно добрались до станции метро «Молодежная», где он пересел на метро, а Голикова отправилась по своим делам на «Ладе».

– А что за дела, он не запомнил? – спросил Стас.

– Она ему не доложила.

– Может ли быть такое, что Голикова все-таки возвращалась домой, но что-то с ней случилось по дороге в поселок? – предположил Гуров. – Уже на отрезке пути от Москвы до Шаткого?

Рукоятников, казалось, был готов к вопросу.

– Этот участок мы тоже осмотрели на всякий случай. Трудность в том, что здесь вокруг болотистые леса, но, чтобы добраться до самих болот, из которых сложно выбраться невредимым, необходимо далеко углубиться в лес. Машина бы там не проехала – нет там широких троп, сплошь заросли. Кроме того, в лесу есть одна засада в виде импровизированной свалки. Ни штрафы, ни предупреждающие таблички не помогают. Люди все равно свозят туда все отходы. А дачных поселков у нас тут рядом несколько, они существуют давно,

расширяются, некоторые москвичи уже давно перебрались из Москвы за город на постоянное место жительства. Так что людей, которые мусорят, много. Убивают природу. Только вот дела до этого никому нет.

– Если дачка рядом с Москвой, то это подарок судьбы, – заметил Стас.

– Это удобно, согласен, – кивнул головой Рукоятников. – Ну а что? Московскую квартиру можно сдать и жить на деньги от аренды, но уже не в городе, а на природе. Красота. И мусор по дороге домой можно в лесу выбросить, а не везти с собой. Сплошные бонусы.

В его голосе Гуров уловил нотку горечи. Похоже, этот немолодой грузный человек всерьез болел душой не только за то, чтобы на вверенной ему территории никто не поубивал друг друга, но и за то, чтобы красоту и чистоту здешних мест уважали и берегли и свои, и чужие. Как ни крути, Москва и впрямь ведет себя сурово, подминая под высотные здания милые сердцу парки и скверы. Но лес, пусть и напичканный опасными болотными трясинами, все еще стоял на своем месте и, судя по высоте крепких стволов корабельных сосен, был высажен довольно давно. Жаль будет стирать такое великолепие с лица земли.

– Получается, что свалка мусора в лесу перегораживает путь к болотам? – спросил Гуров.

– Совершенно верно, – кивнул Рукоятников. – Да и к ней просто так не подобраться. Кто-то из безымянных героев

возвел проволочную ограду, она-то и сдерживает мусор, чтобы его по лесу к дороге не разнесло, а сама свалка не поползла в глубь леса. Свалку тоже проверили, но быстро это сделать не получилось. Там столько залежалой дряни, что тошнота к горлу.

– Именно лежалой? – уточнил Гуров.

– Именно. Есть участки, где мусор годами не трогали. Все срослось в пласты, покрылось плесенью.

– А сама свалка большая?

– Огромная. Размером уже, наверное... – Рукоятников развел руки в стороны, прикидывая размер, – с футбольное поле. Или в полтора. Дальний край упирается в болота. Считай, там вообще дикие места. Наши ребята на совесть осмотрели все, до чего смогли дотянуться. Результат нулевой. Но мы еще раз все осмотрим, конечно...

Он быстро дернул пальцами правой руки, будто отгонял муху, давая понять жестом, что не верит в благополучный исход.

Гуров потянулся к стаканчику с карандашами, стоящему на столе, вытянул один из них. Иногда у него возникало неудержимое желание вертеть что-то в пальцах, пока мозг переваривает поступившую информацию. Казалось, так лучше думается.

– Думаете, поиски в лесу ни к чему не приведут, Федор Анатольевич?

Рукоятников опустил голову и раздавил пальцем невиди-

мую пылинку на столешнице.

– Да просто место гиблое. Мало ли? Учитываем все варианты. Волонтеры вон тоже лес прочесывают. Да только мне кажется, что не там ищем. С чего бы старушке на ночь глядя забираться в лес?

– Это верно.

– Насчет особых примет, – продолжил Рукоятников. – В день исчезновения Голикова была одета в ярко-малиновое полупальто. Этакое запоминающееся цветное пятно, на которое кто-то непременно должен был обратить внимание. Алевтина Михайловна вообще была экстравагантной личностью. Мало того что в столь солидном возрасте она лихо управлялась с автомобилем, она еще и выглядела сильно моложе своих лет. Всякие там серенькие курточки, которые часто носят старушки, были не для нее – Алевтина Михайловна предпочитала джинсы, кроссовки и футболки, в каких нынче рассекает молодежь. Таких пенсионерок, как она, я, наверное, и не встречал прежде.

Рукоятников посмотрел на наручные часы и покачал головой:

– Время поджигает. Теперь о втором происшествии. Сегодня утром в квартире был обнаружен труп Геннадия Маркина. Он тоже наш давний знакомый. Трезвым я его не видел уже лет двадцать. Раньше он жил здесь же с родителями, а после их смерти быстренько продал квартиру и переселился к своей невесте, а невеста эта тоже, знаете ли... Марьяной

ее зовут. Умер Гена у нее дома. Теперь с ее слов: поздно вечером вернулась из гостей, увидела спящего Гену, разбудила. Он вставать не стал, пожаловался на сильную головную боль и снова уснул. А уже утром Марьяна не смогла его добудиться. Стала тормошить и увидела кровь на подушке. Умер во сне. При осмотре трупа была выявлена открытая черепно-мозговая травма.

– Как это, как это? – Крячко недоуменно вздернул брови. – Марьяна не заметила, что ее мужик вернулся с пробитой головой? Разве такое возможно?

– Так ее не было дома, когда Гена пришел домой.

– И кровь она сразу не заметила?

– Божится, что так оно и было, потому что свет в комнате не включала, разговаривала с ним в полумраке, а кровь заметила только утром. В это вполне верится – вся кровь уходила в подушку. Ну, спит и спит человек.

– Интересно, что она расскажет, когда узнает, что ради ее Гены приехали следователи из Москвы? – пробормотал Гуров. – Что ж, Федор Анатольевич, в принципе, картина ясная. Давай-ка, Стас, начнем с Марьяны, поболтаем с ней, а уже потом займемся Голиковой. Федор Анатольевич, а где бы нам найти вашего героического участкового? Без него нам сейчас никак.

Глава 2

Участковый тем временем и не думал прятаться – нашелся в ОВД и сразу же явился во всей своей красе по первому требованию Рукоятникова. Невысоким ростом и крепким телосложением он напоминал большой желудь на ножках, и Гуров представил, как он деловито обходит свои уголья и все маргиналы, попадающиеся на его пути, наверняка сразу же сникают и делают вид, что только его и ждали. Он был в звании майора и представился Юрием Павловичем Денисевичем. На москвичей отреагировал открытым взглядом, искренней широкой улыбкой и мощным рукопожатием.

– Ты уж проводи людей к Марьяне, ЮрьПалыч, – попросил Рукоятников. – Ну и помоги там.

– Разумеется. Когда пойдем? Сейчас? А то я свободен.

По коридорам ОВД Денисевиц вел сыщиков как под конвоем, замыкая процессию. На выходе махнул рукой кому-то, выглянувшему из-за приоткрытой двери кабинета.

– Далеко до адреса? – поинтересовался Гуров, выходя на улицу. – А то мы на машине.

– Далеко не получится, – улыбнулся Денисевиц. – Тут у нас все рядом. Нужный дом прямо за этим торговым центром.

Он указал на широкое двухэтажное здание с высокими окнами, стоявшее через дорогу. Могло показаться, что торго-

вый центр только что отстроили, на что намекали ярко-синие стены и невероятно чистые оконные стекла. Но при более пристальном рассмотрении становилось понятно, что вся эта фасадная красота всего лишь прикрытие, иначе почему бетонные ступени, ведущие к главному входу, вдруг стали бы крошиться, будто им несколько десятков лет, а водосточные трубы отливали ржавчиной?

Очевидно, что торговый центр являлся самым проходным местом в поселке. Возле главного входа, как водится, тусил народ различных слоев общества. Были тут и украдкой курившие подростки, которые затравленно косились на проходящих мимо людей, надеясь не попасться на глаза знакомым, и стайка юных матерей с колясками, решивших остановиться прямо посреди дороги, отчего прохожие вынужденно ступали на проезжую часть, чтобы их обойти. Вдоль обочины выстроились несколько автомобилей демократичных брендов, из которых доносилась негромкая музыка. Водители, вальяжно развалившись за рулем, лениво курили, наблюдая за улицей. Гуров сразу опознал в них вольных таксистов – из тех, кто плевал на агрегаторы, не использует ремни безопасности, не принимает оплату банковскими картами и никогда не имеет сдачи с наличных. Чуть поодаль, как бы сторонясь скопления народа, подпирали стену человек десять торговцев разного пола и возраста. Здесь продавали мотки пряжи, домашние соленья, грибы и чеснок.

– Если что, то это санкционированная торговля, – заторо-

пился с объяснениями участковый. – Ничего не нарушают.

– Да не для того мы тут, – отмахнулся Гуров. – Это ваша земля, вам и решать.

– И то верно, – быстро свернул тему Денисевич.

Обогнув угол здания, они оказались на узкой улице, под линейку застроенной «хрущевками». Дома уходили куда-то вдаль, но и там справа и слева было всё одно и то же: серые пятиэтажки, припаркованные вдоль обочины машины и неспешно прогуливающиеся по тротуарам редкие прохожие.

Денисевич подошел к самому ближайшему подъезду и остановился.

– На пару слов, коллеги, – попросил он.

Гуров остановился, вынул сигареты. Набрать полную грудь воздуха перед прыжком в бездну – святое дело. Стас курить не стал, отказался.

– Марьяна – дама своеобразная, может вести себя... по-всякому, – предупредил участковый. – Умеет фактурно выражаться, а еще может и послать туда, куда обычно отправляют, будучи в гневе. Очень не любит нашего брата.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гуров.

– Ну, если вас это из себя не выводит...

– Это всё рабочие моменты.

– Ко всякому готовы, – добавил Стас.

– Я долго налаживал с ней контакт, – признался Денисевич. – Сначала на порог не пускала, даже как-то прокисшим супом с балкона облила. А потом привыкла ко мне, переста-

ла шарахаться и проклинать. Должен сказать, что принцип работы у меня такой: считаю, что к каждому, невзирая ни на что, необходимо относиться по-человечески. Вот я и решил, что если я буду с ней именно так, по-нормальному, а не как некоторые граждане, то толку от нашего общения будет больше. Она ведь не сразу с рождения к бутылке потянулась, а по весьма веской причине. У нее ребенок под машину попал. Четыре года было девочке. Марьяна после смерти дочки какое-то время держалась, работала даже. Но поселок маленький, сами видите, от сочувствующих не скрыться. Ну, не знают некоторые, что такое тактичность, что же теперь сделать? А народ-то везде, он кругом, от него не спрятаться. Марьяна тогда кассиром в нашем универсаме работала. Вот в этом самом, через дорогу.

– И была постоянно на виду, – понял Гуров.

– Затюкали люди ее своим сочувствием. Я так понимаю, что она бы, может, и пришла в себя, но когда на каждом шагу напоминают о твоем горе, то откуда взять моральные силы и начать хотя бы улыбаться? Добротой ведь тоже задушить можно. В конце концов Марьяна решила уехать из поселка, но, видимо, было поздно, и внутри у нее уже что-то сломалось. Уехала в Москву к каким-то знакомым. Но не вышло у нее построить жизнь на новом месте, поэтому вернулась. Тогда-то и стало понятно, что алкоголь стал для нее лучшим другом. Ну а потом с Геной нашим закрутила. С тех пор и жили вместе.

– Ну а вы-то что думаете по поводу смерти Гены? – спросил Гуров, закурив. – Это ведь ваш участок. И Голикова несколько дней назад пропала. Вроде бы два разных эпизода, но произошли в одном населенном пункте и за короткий отрезок времени. И это при том, что уровень преступности в поселке очень низкий.

Денисевич задрал голову и посмотрел вверх, на балконы.

– Я думал об этом. И с Федором Анатольевичем на эту тему говорил. На первый взгляд как таковой связи между этими двумя прецедентами нет. Или так: пока что отследить ее невозможно. Но мы толком еще ее и не искали, мы же только начинаем. Гена напрямую не контактировал с Голиковой. Разные социальные слои и так далее. Но могут быть скрытые моменты. Гена не работал и частенько гулял по поселку, стреляя у прохожих деньги на бутылку. Мог подработать у кого-то, вынести мусор, помочь загрузить мебель... Но в основном все заработанное благополучно пропивал. В плохую погоду его долгие прогулки сменялись нахождением на посту, то есть он с утра торчал возле универсама. Голикова, конечно, могла его запомнить, но они абсолютно точно не общались. Она не водила с ним дружбу, иначе я бы об этом знал. Их ничто не могло связывать. По характеру Гена был тихим, к людям нарочно не лез, в драках замечен не был. Такой прибитый алкаш. А вот Голикова – та была совсем другой. Это она скорее могла его обхамить, проходя мимо, и в таком случае он мог ей ответить, но, как правило, если на

него наезжали, то Гена просто уходил куда-нибудь от греха подальше, а потом возвращался.

– Ну а сама Марьяна? Не могла она его в порыве страсти «приласкать»?

– Это мы, конечно, проверили первым делом, – вздохнул участковый. – Не могла. Вчера она целый день провела у своей знакомой в дачном поселке. Та уже подтвердила. Туда и сюда Марьяна ездила на автобусе, ее водитель запомнил. С алиби у Марьяны все в порядке. Квартиру осмотрели, ничего похожего на предмет, которым она могла бы нанести Генке травму, не нашли. Поискали везде, где только можно, а ребята у нас дотошные, все кусты в поселке облазили, все урны перетряхнули. Вот так. И да, местных я тоже уже опросил. Гену вчера никто не видел.

– Прямо-таки всех? – усомнился Гуров.

– Уж поверьте. Моим информаторам можно верить.

– И где же он был целый день? Никто, получается, не знает? – спросил Крячко.

– Получается так. Удивительно, конечно, но надежду не теряю. Может, и вспомнят еще.

– Но если он возвращался домой поздним вечером, когда многие жители уже спят, то вполне вероятно, что мог никому не попасться на глаза, – предположил Гуров. – Как у вас тут по вечерам? Много людей на улицах или никого?

– Могло быть и так, что его просто не заметили, – согласился Денисевич.

– Значит, информаторы не такие уж и надежные?

– Прохожие порой не видят то, что происходит вокруг. Ну, идет мимо кто-то, а вот кто именно? Могут и не вспомнить, потому что заметили только краем глаза. Я еще поработаю над этим, повторно опрошу людей.

– А Марьяна точно дома? – с сомнением поинтересовался Крячко. – Не зря пришли?

– Дома. Только что в окне ее видел... Да и куда ей деться теперь? Если вы докурили, то можно уже ее навестить.

Гуров выбросил в урну окурок и вошел следом за Денисевицем в подъезд.

...

– Кто там еще приперся?

Женский голос из-за двери звучал слишком тихо, даже сдавленно, что уже само по себе было необычно. Внутренне Гуров приготовился к громкому отпору от хозяйки квартиры, ведь участковый ясно дал понять, что девушка она своенравная. Предполагалось, что прием с самого начала не должен быть теплым. Но на деле все оказалось иначе.

– Открывай, Марьяна Васильевна. Ты же видела нас из окна, – так же тихо ответил Денисевиц и отступил на шаг назад.

Дверь медленно открылась, в проеме показалось бледное лицо. Сначала Гурову показалось, что перед ним совсем юная девушка, почти подросток, и ей не больше двадцати

лет, но при более пристальном рассмотрении тончайшая иллюзия молодости растворилась в воздухе, оставив после себя лишь пылинки, подсвеченные вечерним солнечным светом, проникающим в коридор через окно за спиной хозяйки.

– А кто это с вами? – все так же тихо спросила Марьяна, не глядя на сыщиков.

– По поводу Гены, – объяснил Денисевич. – Столичная полиция. Впусти нас, красавица. Мы плохого не хотим.

– Ладно. Ноги только вытирайте.

Марьяна когда-то была красавицей, но ее непростое прошлое и беспросветное настоящее крепко поработали над изменениями во внешности молодой женщины. Правда, что-то на память они ей все-таки оставили. Например, глаза. Они у Марьяны были огромными, широко расставленными, а радужка имела необычный цвет – будто бы кто-то взял черную акварельную краску, белилами разбавил ее до светло-серого, а потом для верности добавил еще зеленой воды, чтобы добиться почти прозрачного, с мелкими темными вкраплениями оттенка. Не серого, не голубого, а похожего на лунный свет.

Следов слез на ее лице не было.

Предполагалось, что в доме маргиналов должен был быть бардак, но опасения Гурова не оправдались: в квартире прибрались. Правда, сделали это весьма плохо. С одной стороны, тот мусор, который мог бы рассказать о хозяйке больше, чем ее соседи, отсутствовал. Ни пустых бутылок, ни завет-

ренных остатков закуски где бы то ни было не наблюдалось. Но как бы сильно Марьяна ни старалась, кое-где все же проглядывали намеки на ее прежнюю разгульную жизнь. На пакет с пустыми банками из-под дешевого пива и разобранную постель с несвежим постельным бельем она, например, внимания не обратила. Гуров окинул взглядом изголовье кровати и заметил только одну подушку. И ни одной капли крови.

Поймав взгляд Гурова, женщина достала из шкафа плед и быстрыми движениями покрыла полутораспальную кровать.

Возле окна стоял старый немодный стол. Такой когда-то был и у Гурова. С лакированной столешницей и выдвигающимися панелями, умеющий в мгновение ока трансформироваться из небольшого в огромный, за которым легко умещались десять и более человек. Почти в каждой квартире советского человека когда-то был такой же.

– Ну как ты? – спросил Денисевич.

– Нормально, – шепотом произнесла Марьяна. – Голова только болит.

Денисевич нарочито бодро осмотрелся:

– Не слишком сильный бардак тут ребята из полиции навели?

– Несильный.

– А я и смотрю, что ты уже убраться успела. Присесть-то можно?

– Садитесь на кровать, если хотите, а я постою, – отвернулась Марьяна и добавила, глядя в стенку: – Сидеть особо не

на чем. Все давно сломалось. Последний стул Генка на той неделе добил. Обещал починить, но я все равно выбросила, потому что он бы ничего не стал делать... как всегда. Если надо, то только на кровать. Не волнуйтесь, плед чистый.

Это было правдой – стулья в комнате отсутствовали, а единственное кресло в углу комнаты было завалено недавно постиранным бельем.

– Меня зовут Лев Иванович, – представился Гуров. – А это мой коллега Станислав Васильевич. Мы к вам из Москвы...

– Слышала уже, – оборвала его Марьяна.

Денисевич тронул ее за плечо:

– Не ругайся. Послушай... Расскажи лучше, как дело было. Понимаю, что тяжело, но надо постараться. Хорошо?

– Ты все уже знаешь. Вот сам и расскажи. – Марьяна устало взглянула на участкового.

– Марьяна Васильевна, а вот мы не слышали ваш рассказ и вообще еще ни о чем не знаем, – мягко объяснил Стас. – Будьте так добры.

– Совсем ничего? – нахмурилась Марьяна. – За дуру держите? Вот просто так взяли и зашли, не заглянув в полицию?

– Слышали, но только с чужих слов, – уверил ее Стас.

– Давай уже, – поторопил Денисевич.

– Не гони, а? – с тоской взглянула на него женщина. – Ну, была я у подруги на даче – и что? Генка тут без меня сто раз один оставался. Куда он без меня ходил и что делал, я

не знаю.

– Ты про вчерашний вечер расскажи, – не отставал участковый.

– Так я и говорю. Мы толком и не поговорили, когда я вернулась. То есть он ничего не рассказал. Я и не увидела, что у него голова пробита. Лежал как раз на том боку, где была рана, откуда шла кровь. В темноте и не увидишь. Видите ночник? Там две лампочки должно быть, но работает только одна. При таком освещении мало что можно было рассмотреть. Не знала я, что ему плохо.

– Как же не знала, когда он сам тебе об этом сказал? – строго спросил Денисевич.

– Не говорил он! Он сказал, что голова болит. Больше ничего не уточнил, – отрезала Марьяна. – Я ему таблетку предложила, а он ничего не ответил на это.

– И это все его слова? Только про головную боль? – спросил Гуров.

– Говорила я, а он сначала молчал. Пришла, разобрала сумки, начала ему рассказывать, что вот, мол, съездила, привезла нам яблоки, укроп, сливы еще тоже мне дали, салаты всякие со стола, говорю ему, спрашиваю, что, может, он голодный, а он в ответ ни слова. Не сразу очнулся. Ну я как? Я не сразу легла, я еще побродила. Белье там в стирку, подмела...

Этот, казалось бы, бессмысленный разговор ни о чем Гуров вел не просто так. Он нарочно водил Марьяну по кругу,

проверяя правдивость ее слов. Пока что выходило, что она не лжет.

Марьяна подошла к окну, взяла с подоконника пачку сигарет и чиркнула спичкой.

– Вчера в доме было спиртное? – спросил Гуров.

Он нарочно поставил вопрос именно так, как бы намекая на то, что не считает Марьяну знатной любительницей крепких спиртных напитков, которая не может прожить без алкоголя ни дня. Слово «вчера» должно было сыграть для нее важную роль. Она и в самом деле мало походила на человека, страдающего алкогольной зависимостью. Марьяна не страдала излишней худобой, имела хорошую фигуру, двигалась не угловато или суетливо, что обычно отмечается у алкоголиков со стажем. Зубы и волосы ее были в порядке, кожа имела ровный, а не землистый цвет, тремор рук отсутствовал, а речь хоть и путалась, но сознание оставалось ясным, что тоже указывало на то, что женщина еще не достигла того дна, с которого редко кто поднимается.

Гуров решительно расправил плед на кровати и сел. Крячком последовал его примеру. Участковый и Марьяна предпочли стоять и дальше.

– Так что насчет алкоголя? – переспросил Гуров.

– Была водка в холодильнике, – тут же ответила Марьяна. – И немного пива. Генка без него не вставал и не ложился.

– Так было спиртное или нет?

– Оставалось, но редко вообще-то. Генка всегда пил до

дна, а если и оставлял, то совсем немного. И то только потому, что падал на пол и засыпал.

– И вы не удивились тому, что он не допил водку?

– Не удивилась, – спокойно ответила Марьяна. – Он же сказал, что ему плохо. Значит, было не до бухла.

– Вернемся к моменту, когда вы увидели его лежащим в постели.

– Не просто лежащим, а спящим, – поправила Марьяна. – Даже не встал, когда я пришла. Не проснулся даже. Я его позвала, он что-то промычал, я не разобрала. Смотрю – на столе посуды нет, в комнате не накурено, перегаром не пахнет. Значит, думаю, не ел, не пил, что показалось странным, так как он всегда перед сном хотел есть и после никогда за собой со стола не убирал. Говорю: «Вставай, поговорим». А он лежит зубами к стенке и не шевелится. Сказал только, что очень сильно болит голова. Я посмотрела на него, увидела, что он лег-то, не раздеваясь, прямо в штанах и кофте. Только ботинки и снял. Но тут же подумала, что, наверное, напился, если не хватило сил снять одежду. Думаю, ладно, подхватил, может, где-то вирус. Тогда я тоже долго сидеть не стала, закинула гостинцы в холодильник, кое-что по дому поделала и вскоре легла.

Во время разговора Гуров не делал никаких замечок ни в блокноте, который прихватил с собой на всякий случай, ни в телефоне. Все, о чем пока что рассказала Марьяна, не вызвало никаких подозрений. Все складывалось.

Воспользовавшись паузой, Стас решил переключить внимание хозяйки на себя:

– Марьяна Васильевна, постарайтесь вспомнить, куда Геннадий мог вчера пойти без вас? К знакомым, к друзьям или была какая-то халтура?

– Ой, – дернулась Марьяна.

Пепел с кончика ее сигареты упал прямо на пол. Марьяна тут же растерла его ногой.

– Я не знаю, – в упор взглянула она сначала на Крячко, потом перевела взгляд на Гурова. – Мы не ходили, держась за руки. Он мог пропасть на целые сутки, вернуться на другой день и ничего не объяснить. Надоел он мне. Не мужик, а черт-те что. Как раз хотела его выгнать, а он, видишь ли, сам все решил. Из-за него я теперь во всем этом...

Ее подбородок дернулся. Резко отвернувшись к окну, Марьяна глубоко затагнулась и изо всех сил воткнула сигарету в плоскую чугунную пепельницу, стоявшую на столе, но не рассчитала силу, и сигарета сломалась надвое.

Денисевич и сыщики молча наблюдали за этой сценой отчаяния.

– Генка был слабым, – со злостью в голосе заговорила Марьяна. – Не мужем, не другом, а вечным маменькиным сынком. Таким, знаете, за которым надо потом крошки со стола смахивать, потому что сам он этого делать не умел. Кто гвоздь забьет в стену? Марьяна. А кто деньги в дом приносит? Марьяна! Он ничего не делал. Только пил и побирался.

Так что думайте, что хотите, но это хорошо, что его больше нет. Прямо дышать легче стало.

– А вы где-то работаете? – спросил Гуров.

– Ты действительно устроилась на работу? – встрепенулся участковый.

– Опомнися, – скривила рот Марьяна. – Две недели как наш подъезд мою. Не по трудовой – соседи скидываются и платят.

– Какая молодец! – восхитился Денисевич и покосился на Гурова.

– А что касается его походов по поселку, то ничего сказать не могу, – продолжила Марьяна, обращаясь к Гурову. – Кроме него, я почти ни с кем не общаюсь. С парой соседей из дома да с Денисевичем.

Она посмотрела в сторону участкового:

– Что смотрите, Юрий Палыч? Подтвердите мои слова, что ли.

– Что мне подтвердить, Марьяна? – посуровел Денисевич.

– Что по рукам не хожу.

– Да что ты несешь?

– Ты же каждый раз меня пристыдить пытаешься. Молчишь, а в глазах черным по белому... Давай действуй. Устрой представление перед московской полицией. Не хочешь?

Денисевич заметно растерялся.

– Да пошел ты.

Марьяна развернулась и быстрым шагом вышла из комнаты и скрылась в кухне, хлопнув дверью. Денисевич двинулся было следом, но был остановлен Гуровым:

– Теперь вопрос к вам, Юрий Павлович. Как проводили свой досуг Геннадий и Марьяна? Где были, с кем были? Интересно мнение знатока и профессионала. – Гуров в ожидании взглянул на участкового.

Денисевич посмотрел в сторону кухни с тихой яростью.

– Да ни с кем особо они дружбу и не водили, – нехотя ответил он.

– Значит, она правду говорит?

– Быть не может, – не поверил Стас.

– Может, может, – горячо закивал Денисевич. – В поселке проживает не очень много злоупотребляющих и иных анти-социальных элементов. Всех поголовно знаю. Где, когда, по сколько человек собираются и в какое время суток. Гена и Марьяна с ними никогда дружбу не водили. Они держались особняком. Этим и выделялись. Хотя Генка мог к кому-нибудь подсесть, но без нее.

– Стас, заканчивайте без меня. Лучше на улице.

Денисевич непонимающе завертел головой.

– Покурим? – улыбнулся Стас. – Пусть Лев Иванович тут сам. Вы же не против?

Гуров поднялся, одернул брюки и зашел на маленькую кухню. Прикрыл за собой дверь, окинул беглым взглядом по-

мещение. Когда-то белые стены украшали темные разводы от сырости, под ногами запружинил вздутый линолеум. Марьяна сидела за столом с закрытыми глазами.

За спиной раздался звук закрывающейся двери.

– Оставьте меня одну, пожалуйста, – попросила Марьяна, не поднимая век.

– Мы здесь одни. Могу присесть?

Не дожидаясь разрешения, Гуров выдвинул из-под стола табуретку.

– Ну что? Что вам еще от меня надо? – открыла свои большие глаза Марьяна.

– Не Гена сломал вам жизнь. Это произошло гораздо раньше, когда погибла ваша дочь, – тихо заговорил Гуров. – Ваш участковый, может, и ляпнул что-то не то, но, поверьте, он относится к вам очень хорошо. Да вы и сами это, наверное, видите. А что касается вашего сожителя... Именно на Геннадия вы возлагали надежду покончить наконец со всей той чернотой, в которой оказались. Но он не смог вас вытащить из ада. Он даже не старался помочь и тянул вас за собой. Я прав?

Работать психотерапевтом Лев Иванович Гуров не любил. И не просто не любил – он ненавидел это дело всей душой. Не этому его учили в вузе, а потом и на практике, но вышло так, что дело всей его жизни включало в себя не только применение умственных усилий и владение боевым оружием, но и простые разговоры по душам. Часто оказывалось,

что именно слово творило чудеса и заставляло человека не только вытряхивать душу наизнанку, но и круто разворачивать свою жизнь на сто восемьдесят градусов.

– Вот умеешь же ты подобрать слова, – заметил как-то Крячко. – Как боженька смолвил.

– Ну, не знаю, не знаю, – не соглашался Гуров.

На самом деле он все прекрасно понимал. Знал, что умеет и может. Жаль, что срабатывало через раз, а не чаще.

Марьяна открыла глаза, посмотрела на Гурова и ничего не ответила. «И снова ни одной слезы, – подумал он. – Всё уже выплакала и никому не верит».

– Наверное, вы правы, – прошептала Марьяна. – Жалко его. Хоронить теперь надо. Кроме меня, он ведь никому не был нужен. Родных нет, ничего в этой жизни не умел. Даже умер как-то не по-человечески.

– Но если Гена и получил по каким-то своим заслугам, то наказание не соразмерно его проступку, если, конечно, можно считать проступком его отношение к вам, – продолжил Гуров. – Давайте прямо, Марьяна. Вы его ударили? Пришли домой, захотели тепла и участия, а вместо этого снова увидели своего пьяного друга. Не рассчитали силу удара, и вышло то, что вышло.

– Я его не трогала, – устало произнесла Марьяна. – Он был недалеким, жутко мне надоел, но его проще было выгнать, чем убить. Не пропал бы в наше-то время. В конце концов, квартира записана на меня, а выписать его с жилплощади

можно было в два счета. Но иногда как посмотрю на него: сидит такой, никому, кроме меня, не нужный, худой, с этими руками своими трясущимися. Лишний в этой жизни. Мы, конечно, ссорились, но драк между нами не было. И потом, Генка был серьезно болен. Что-то по неврологической части. У него периодически сильно тряслась голова, а физически он вообще был очень слабым. Я бы его просто убил одним ударом. Он даже не мог повысить на меня голос, понимаете? Слушался, в рот смотрел. Бывало, наору на него, а он потом целый день ходит как прибитый. Не убивала я его. Не было причин. И я не знаю, где он вчера был. Сколько раз мне еще это повторить? Даже мыслей подходящих нет. И во сколько вернулся, я тоже не могу сказать, честное слово.

Попрощались во дворе ОВД, возле «Мерседеса» Стаса Крячко. Федор Анатольевич Рукоятников вышел проводить и заодно подышать свежим воздухом. Оказалось, что для дальних расстояний он использует трость.

– До ночи сегодня здесь буду, – прокряхтел он. – И что теперь? В итоге оба дела забирает Петровка, 38?

– Ну, вас-то тоже со счетов не спишут, – ответил Гуров. – Результаты экспертизы, протоколы осмотров и прочее – все это на вас. Поторопите с результатами, пожалуйста.

– Поторопим. Помог вам наш участковый? А то ускакал, не сказал ни слова.

– Да, Федор Анатольевич, он очень помог. Он хорошо зна-

ет свое дело и тех, за кем нужен глаз да глаз. И адрес Голиковой дал, мы туда сейчас наведемся.

– Думаете, все-таки есть связь между ее исчезновением и смертью того парня? – нахмурился Рукоятников.

– Ищем, Федор Анатольевич. Ищем. Если Геннадию уже ничем не помочь, то нужно сосредоточиться на поисках Голиковой. Если найдем ее живой и здоровой, то она и прояснит ситуацию. А пока что подождем результатов вскрытия Геннадия Маркина и поищем свидетелей. Ну, не может быть, чтобы человек резко превратился в невидимку. Что-то здесь не то.

Алевтина Михайловна Голикова проживала на окраине поселка. Старый двухэтажный дом, в котором располагалась ее квартира, больше походил на административное здание советских времен. Наружные стены этой фундаментальной постройки, наверное, еще в прошлом веке покрыли толстым слоем бежевой краски, но сейчас от былой красоты не осталось и следа – стены буквально шелушились.

– Тут хоть электричество-то есть? – подивился Стас, вылезая из машины. – Глянь, Лев Иванович, что творится.

– Не знаю, чему здесь удивляться, – честно ответил Гуров.

– Тому, что Москва рядом. Мы как будто в прошлое вернулись.

– Обычно только снаружи ужас, а внутри евроремонт. Какой этаж нам нужен?

– Второй.

– Поторопимся. Иначе домой попадем не раньше ночи.

Гуров едва успел убрать палец с кнопки дверного звонка, как сама дверь распахнулась. Высокий худощавый мужчина лет шестидесяти с небольшим застыл на пороге и в ожидании уставился на сыщиков через толстые стекла очков. Растянутая мятая футболка и спортивные штаны, в которые нарядился мужчина, ясно давали понять, что гостей в этом доме не ждали.

– День добрый, – поздоровался Гуров. – Нам нужны Семенцовы.

– Мы они и будем, – с подозрением протянул мужчина. – А вы, смею спросить, кто?

Гуров показал свое удостоверение, и мужчина подслеповато прищурился, стараясь его рассмотреть. Пришлось поднести ксиву к его лицу как можно ближе.

– Это из полиции, Георгий. Я же говорила, что к нам еще не раз придут, – раздался женский голос, и откуда-то сбоку тут же появилась его обладательница. Встав рядом с мужчиной, женщина ловко оттерла его в сторону и отступила, приглашая зайти. – Здравствуйте. Я Ольга Матвеевна, а это мой муж Георгий Петрович. Все верно, мы и есть Семенцовы.

– Но сколько же можно? – возмутился мужчина. – Мы уже и в отделении полиции были, и на все вопросы ответили. Участковый заходил, соседи пристают. Что же еще от нас

нужно?

Супруга одарила его выразительным взглядом. Георгий Петрович сразу же умолк, но возмущенное выражение с его лица никуда не делось.

– Мы хотели бы задать несколько вопросов про хозяйку квартиры Голикову Алевтину Михайловну, – пояснил Гуров.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила Ольга Матвеевна и тяжело вздохнула. – Мы, правда, собирались в магазин, но это можно отложить на завтра. Комната справа.

Крячко первым двинулся по узкому коридору. Лев Иванович пошел следом. Как и ожидалось, внешний вид жилого дома значительно отличался от внутреннего убранства квартиры. В отличие от ветхого фасада, все здесь было новеньким, свежим, от ламината до потолочных плинтусов. Ремонт в квартире закончили совсем недавно, и в воздухе все еще угадывался слабый запах то ли краски, то ли обойного клея.

– Присаживайтесь на диван. Чайку? – улыбнулась Ольга Матвеевна.

– В другой раз, – отказался за обоих Стас.

– Тогда минуточку.

Ольга Матвеевна обогнала Стаса и заметалась по комнате. Ее руки мелькали со скоростью света, то поправляя тяжелые оконные занавески, то прикасаясь к цветочным горшкам на подоконнике, то одергивая домашнюю футболку, то приглаживая волосы, которые даже не были растрепаны. Посте-

пенно в ее руках собралось то, что Гуров и Крячко могли и не заметить: кофейная кружка, газета, несколько пустых магазинных пакетов, махровое полотенце и книга с закладкой в виде обрезка желтой атласной ленты. Все это она торжественно понесла на выход, напоследок остановившись в дверях и окинув внимательным взглядом комнату.

– Еще минуту, – попросила она. – Муж примет лекарство, и мы придем. Присаживайтесь.

Она вернулась буквально через десять секунд и привела с собой мужа. Именно так – привела, держа за руку, а Георгий Петрович покорно шел за ней и уже не возмущался. Они взяли стулья, поставили их напротив дивана и сели. Переглянулись, и Ольга Матвеевна ободряюще улыбнулась супругу.

– Про чай забыла! – вскинулась она.

– Давайте обойдемся без чая, – попросил Гуров.

– Как скажете, как скажете, – тут же согласилась Ольга Матвеевна.

Супруги Семенцовы внешне очень подходили друг другу. Оба молодожаво выглядели, были высокими и отличались особенной статью, какой обычно обладают бывшие профессиональные спортсмены, давно отошедшие от дел, но продолжающие поддерживать форму. Ольга Матвеевна в молодости вообще была красавицей, а ее муж в прошлом тоже наверняка не успевал отбиваться от поклонниц. Прямо-таки крепкая семья из сериала, где оба смешно ссорятся на глазах у соседей и детей.

– Вы не нашли Алевтину Михайловну? – с тревогой спросила Ольга Матвеевна. – Или... нашли?

Последнее слово она произнесла шепотом. В глазах мелькнул страх.

– Не нашли, – ответил Гуров. – Но обязательно найдем.

Ольга Матвеевна посмотрела на мужа.

– А мы вас ждали, – сказала она. – Жить в неизвестности сложно. Не обижайтесь на мужа, пожалуйста. Просто никаких новостей про нашу Алевтину Михайловну так и нет, а мы все ждем и боимся, ждем и боимся.

Внимание Гурова привлек фотопортрет красивой темно-волосой женщины, украшавший стену напротив. Умелый фотограф поймал искреннюю улыбку на лице своей модели, наполовину прикрытом темными волосами, разбросанными ветром. Ольга Матвеевна проследила за взглядом Гурова, а когда поняла, куда он смотрит, то горько улыбнулась:

– Да-да, это наша хозяйка. Кажется, фотография была сделана в восьмидесятых годах. Да, Георгий? Он не помнит. Да, точно. Здесь она в Париже перед вылетом в Берлин. Тут целая история. Алевтина Михайловна пробыла во Франции три дня вместе с каким-то немцем. Она тогда жила за границей и работала переводчицей. Поездила по миру, посмотрела, как люди живут. Этот портрет мы заказали специально к ее дню рождения, увеличив изображение на маленькой фотографии. А вот где фото, я даже не помню.

– Дружили с ней? – Гуров оторвался от портрета.

Георгий Петрович кашлянул и тронул жену за плечо.

– Не настолько и близки мы были, но и чужими нас было бы сложно назвать, – ответил он. – Алевтина много о себе не рассказывала. Это право каждого человека – не делиться личным. Тут всё по желанию.

Он с таким благоговением произнес эти слова, что Гуров не удержался и бросил на Стаса многозначительный взгляд. Тот выразительно приподнял бровь.

– Давно вы снимаете комнату у Голиковой?

– Семь лет, – с готовностью ответила Ольга Матвеевна. – Счастливое число.

– Конфликтов с хозяйкой не было?

– Нет, мы жили достаточно дружно, уважая границы друг друга. Мы с мужем, так уж вышло, не имеем возможности приобрести квартиру, а Алевтина Михайловна сдает нам комнату за сущие копейки.

– А сами вы откуда?

– Из Москвы. Мы коренные москвичи, – подчеркнула Ольга Матвеевна. – Там с мужем родились, там и жили. Но квартиру потеряли из-за мошенников и остались без крыши над головой. Алевтина нас приютила и разрешила жить столько, сколько будет нужно.

– И сколько вы ей платили за проживание?

– Пятнадцать тысяч в месяц плюс помощь по хозяйству.

– Действительно по-божески, – удивился Стас. – А у нее и хозяйство имеется?

– У нее свой автомобиль. – Георгий Петрович взглянул на жену, как будто бы ища одобрения своим словам. – Я за рулем всю жизнь, в моторах разбираюсь неплохо и без ложной скромности скажу, что это здорово упрощает жизнь. А услуги автосервиса нынче многим не по карману. В этом плане Алевтине Михайловне с нами здорово повезло. Ой, простите, – смутился он. – Я абсолютно не хвалю себя, но она сама так говорила. Наша-то машина давно стоит с пустым бензобаком. Древность, а не автомобиль. «Ситроен Берлинго» двухтысячного года.

– Старая машинка, – согласился Гуров. – На ходу?

– Иногда не слушается, но я...

– Мы помогали ей и по дому, – перебила его Ольга Матвеевна. – Я убиралась, иногда готовила, а Георгий ездил с ней за покупками. Возраст у Алевтины Михайловны сами понимаете...

– Подрабатывал, так сказать, личным водителем, если это требовалось, – не унимался мужчина. – Или она просила нас, например, сходить на почту или забрать заказ из пункта выдачи.

– Или сбегать ей за сигаретами, – поморщилась Ольга Матвеевна.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Семенцов. – Она и курила-то не много.

– Мы вот в доме ремонт этой весной затеяли, – снова перебила мужа Ольга Матвеевна. – Здесь же все разваливалось, а

Алевтина Михайловна была слишком занята, чтобы этим заниматься. Вот мы с мужем и предложили помочь. Она одобрила идею, а всю работу выполнили мы. Ей было это нужно, понимаете? Потому что к ней сюда приходили ученики, и приводить их в комнату с замызганными обоями становилось неловко. Алевтина Михайловна лично выбирала все материалы. За все платила тоже она. У нас нет сейчас такой возможности.

– У нас очень давно нет такой возможности, – грустно подчеркнул Георгий Петрович. – Если бы не Алевтина Михайловна, то мы бы...

Ольга Матвеевна взяла его за руку:

– Не надо, Георгий. Все в порядке. Справлялись же раньше? Справимся и теперь.

На ее лице мелькнуло скорбное выражение. Муж сжал руку Ольги Матвеевны и попытался улыбнуться.

– А что с вами случилось? – спросил Гуров. – Что за ситуация с квартирой?

Семенцовы переглянулись. Слово взяла Ольга Матвеевна:

– Еще семь лет назад у нас была прекрасная трехкомнатная квартира в Строгино. В какой-то момент решили ее продать, чтобы купить загородный домик. Чтобы небольшой такой, с огородиком. Плюс доплата. Нам бы до конца жизни хватило тех денег.

– Мы давно о таком побеге мечтали, – встрял Семенцов. – Мы до сих пор в чем-то авантюристы...

– Это... так, – с трудом согласилась Ольга Матвеевна. – В общем, нашла я риелтора, он подобрал варианты. Сделка выглядела надежной, а риелтор казался порядочным. Мы даже наш домик на фотографии видели. Но в итоге нас обманули. Мы потеряли деньги и никакого домика не получили. Пришли в полицию, а там таких, как мы, – целая очередь. Тот человек, оказывается, одновременно с нами успел обмануть многих. Его задержали, был суд, мы там выступали в роли потерпевших, но денег нам так никто и не вернул. Остались ни с чем. Георгий по профессии инженер-строитель, а я преподаватель игры на фортепиано. История с продажей квартиры случилась как раз после того, как мы оба вышли на пенсию. Накоплений у нас не было. Вот так всё и потеряли. Через знакомых Георгий нашел пустующую дачу, куда мы свезли мебель. Готовили на электрической плитке, спали под двумя одеялами. Я чуть руки на себя не наложила. Так и прожили год, пока не познакомились с Алевтиной. А детей у нас нет, родных не осталось, так что помочь нам никто не мог. Да мы и сами не хотели никому навязываться. Мы все-таки представители поколения, которое привыкло решать проблемы собственными силами. Только уже не осталось тех самых сил.

Ольга Матвеевна замолчала и опустила голову. Муж наклонился к ней, заглянул в лицо.

– Это я виновата, – прошептала Ольга Матвеевна. – Только я.

– Перестань! – повысил голос Георгий. – Прекрати себя изводить, а так и с ума сойти можно. Ты обещала.

– Но это же я нашла того риелтора! А теперь мы без всего. Боже мой!

– Прекрати немедленно, Ольга, – властным голосом потребовал Георгий Петрович. – Ты ведь дала мне слово не казнить себя? Вот и держи его. Ни к чему это все.

Внимательно наблюдая за Семенцовыми, Гуров поймал себя на мысли, что таких сплоченных семейных союзов не встречал давно. Эти немолодые люди не проявляли друг к другу ни раздражения, ни неуважения, ни какой-либо еще нетерпимости. Причем оба вели себя абсолютно естественно, не наигранно. Сплошная благодать для зрителя. Но вместе с тем нельзя было не отметить, что главнокомандующий в семье отнюдь не Георгий Петрович. Во время разговора Ольга Матвеевна часто произносила такие местоимения, как «мы», «нас» и тому подобные. Так выражаются, как правило, матери, которые рассказывают о своем ребенке: «нам сделали прививку», «у нас прорезался первый зуб», «мы пошли в первый класс». Понятно, что любая мать мысленно переживает со своим ребенком все события его жизни, полностью погружаясь в них и переживая заново, как в первый раз. Поэтому и «мы». Но у Семенцовых не было детей. Ольга Матвеевна перенесла свое несостоявшееся материнство на мужа и, кажется, попала в точку – мужику это явно нравилось. Георгий Петрович прямо-таки смотрел ей в рот и буквально не

выпускал ее руку из своей. Да и свою гневную реакцию при виде полиции на пороге квартиры он затушил очень быстро, едва жена открыла рот. Однако стоило ей признаться в том, что она чувствует себя виноватой, Георгий Петрович моментально поменялся с ней ролями, заняв командирский пост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.